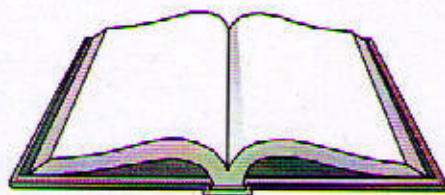

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Федеральное автономное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Дальневосточный федеральный университет»

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Материалы XIV международной
научно-методической
конференции

Уссурийск
2012

тиям, выражающим эмоции и чувства. Обычно у междометий существует основное, доминирующее в данной речевой ситуации значение, которое может сопровождаться различными дополнительными оттенками. Основным у междометия ЫЧЧА является значение холода.

Якутское слово БАРАХСАН, модальная частица, выражающая любовь, ласку, уважение, в говорах заимствовано в качестве междометия для передачи ласкового, сердечного отношения к кому-либо: «Вот ты, барахсан, говоришь, как быть дальше». А по отношению к ребенку заимствуется полностью выражение: «Эй, трое у их детей-то! Шура вот маленькая, агом барахсан!».

В сказках Русского Устья, записанных из уст старожилов, сохраняется необычная форма преподнесения отдельных текстов: почти каждый абзац начинается с междометия «ДЭ» или «ДЕ»: «Дэ, цар говорит...», «Дэ, поехали...», «Дэ, ляг спать...» (сказка «Про Илью»); «Де немножко пожили...», «Де эти сарские сыновья стали советывать между собой», «Де пошел, вышел...», «Де шел, шел...», «Де сар коробку принял...», «Де вышел во двор...», «Де видел: девка сидит ключу морском» и так далее [5, с.53, с.205]. В составе междометий якутского языка выделяется отдельно класс междометий, выражающих отношение к окружающему [3, с. 395]. В данном классе необходимо обратить внимание на междометия, выражающие волеизъявления, которые в какой-то степени смыкаются с модальными словами, они «сопровождаются особой междометной интонацией, усиливающей их экспрессию» [там же]. Междометие ДЬЭ имеет значение призыва продолжать действие, вдохновляющий призыв-одобрение продолжать рассказывание сказки.

В целом, междометия представляют собой набор выразителей эмоций, чувств и переживаний человека, живущего в определенном социуме, имеющем конкретное представление об окружающем. Заимствование междометий свидетельствует о пересечении картин мира носителей якутского языка и носителей старожильческих говоров Сибири.

Примечания

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
2. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. М., 1982.
4. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969.
5. Фольклор Русского Устья: Памятники русского фольклора. Л., 1986.
6. Элиасов Л.Е. О работе над словарем // Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Т.А. Голованева

К ВОПРОСУ О РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОМ ПЛАНЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

В фольклорном тексте воссоздается мир не объективной, а условной реальности, в котором действуют не индивидуализированные, а напротив, типизированные герои. Фольклорное произведение появляется и существует как результат вербального моделирования. Письменные записи фольклорных текстов, с которыми мы имеем дело при анализе, все-таки являются сильно редуциро-

ванными, даже если текстовая запись абсолютно достоверна. Мы не слышим интонации и не видим жестов рассказчика. Однако даже в ситуации утраты звуковой, жестовой и ролевой составляющей дискурса, только на основании текста, можно выявить особенности референции в фольклорном произведении. В процессе выстраивания референциального плана фольклорного текста определяющую роль играют следующие факторы: устойчивость традиционной системы персонажей, существование связи между определенным кругом персонажей и набором устойчивых сюжетов, распределение функций фольклорных персонажей, моделирование диалогов.

Для структуры фольклорного произведения обмен репликами может играть сюжетообразующую функцию. Однако в некоторых случаях фольклорный текст сразу начинается с реплики персонажа, при этом ни в предыдущем, ни в последующем контексте рассказчик не использует авторских ремарок, устанавливающих, кому принадлежит эта реплика. Но так может происходить только в тех случаях, когда рассказывается очень известный сюжет, реплики персонажей такого текста постоянно на слуху, референциальная определенность установлена уже самой традицией. Приведем пример начального фрагмента корякской фольклорной сказки: – *Мити, ловоди-ка, к жителям мышиново селения пойду-ка я. Пошел. Идет.* [1, т. 17, п. 1–3] (здесь и далее: т. – текст, п. – предложение; в примерах для упрощения восприятия текста статьи приводим только переводы с корякского и аллюторского языков, оригинал текстов представлен в источниках).

Начальное предложение этого текста – реплика персонажа, но персонаж не был введен в предшествующем контексте и не будет представлен в ближайшем последующем контексте. Однако для носителей традиции совершенно очевидно, кто произносит реплику, конечно, это может быть только Куткыннюку, других вариантов нет. Это один из самых распространенных фольклорных сюжетов о мышах и Куткыннюку. Для носителей традиции установить референциальные связи в фольклорном тексте не составляет труда. Надо отметить, что такое начало фольклорного текста все же нетипично. Это, скорее всего, редуцированная запись. Референт не актуализирован, налицо нарушение нормы, этот текст выхвачен из контекста беседы. Возможно, эту реплику предваряло предложение на русском языке или этой реплике предшествовал разговор о других приключениях Куткыннюку. Так как мы не имеем аудиозаписи этого текста, мы не можем восстановить, каким образом на самом деле рассказчик ввел персонажа Куткыннюку. Но сложно представить, что без всякого предварительного упоминания в речи рассказчика интродуктивная референция устанавливалась бы только при помощи реплики протагониста, без всяких сопутствующих авторских ремарок. В нашей экспедиционной практике был похожий случай. Этот случай необходимо привести здесь, чтобы предостеречь исследователей, работающих только с письменными расшифровками аудиозаписей, от неверных референциальных трактовок, которые могут появиться, если не иметь в виду весь контекст разговора с респондентом. Во время экспедиции в июне 2010 года состоялась наша встреча с талантливой корякской рассказчицей А.А. Симоновой. Мы с А.А. Мальцевой вели с ней беседу на русском языке. В ходе этой встречи мы записали от А. А. Симоновой несколько сказок. Если прочитать расшифровку аудиозаписи одного из текстов, то можно подумать, что интродук-

тивная референция главных героев повествования осуществляется при помощи анафорического местоимения они: *'А другой раз они снова так легли'* [2, т. 13, п. 1]. Использование анафорического местоимения в качестве интродуктивного средства является результатом того, что в предшествующем тексте рассказчица уже говорила об этих персонажах: *'Так жили Мити и Куткыннюку'* [2, т. 12, п. 1]. Текст [2, т. 13] служит продолжением текста предшествующего [2, т. 12]. В идеальном варианте мы должны были бы представить полную расшифровку этой четырехчасовой беседы так, как она велась в реальности: с перемежением русского и корякского языков, только в этом случае можно было бы увидеть те референциальные связи, которые имели место в реальном действии. Референциальный план конкретного (внешне самодостаточного) повествования зависит от всего хода беседы.

Похожий случай внешней референциальной неопределенности начала текста, обусловленной тем, что опубликованный текст представляет собой только фрагмент беседы, есть в сборнике [3, т. 5]. Без учета содержания всей беседы, то есть без учета неопубликованного предшествующего контекста, установить референциальные соответствия невозможно (в том случае, если человек не знаком с данной этнической повествовательной традицией). Приведем перевод начального фрагмента текста: *'Что ж, мать умерла. Пошли они хоронить. «Хоть бы ты, Мити, родила дочку». Тут же Мити разродилась, дочку родила. «Мити, кто такая мать, мама моя?». «Не знаю, кто она такая». «Погоди, пойду могилу раскопаю». Пришел к могиле, начал копать.'* [3, т. 5, п. 1 – 8] На протяжении всего этого фрагмента не используются лексические актуализаторы, способствующие установлению референции главного героя повествования. Вне контекста беседы определить, кто пошел хоронить мать, невозможно. Авторы монографии, публикуя этот текст [3, т. 5], осознавали референциальную ущербность фрагментарной публикации и по этой причине снабдили текст предваряющими ремарками, в которых обозначен главный герой повествования: *'(Куткыннюку посадил семью на камень в море и заставил грести. На четвертый день умерла его мать)'* [3, т. 5]. Носителям традиции, тем не менее, даже без контекста ясно, что главный герой – Куткыннюку. Косвенным средством установления референции служит актуализация другого персонажа (жены Куткыннюку – Мити), этот персонаж 'Мити' всегда действует в паре с Куткыннюку. На протяжении всего повествования главный протагонист Куткыннюку ни разу не актуализирован с помощью лексических средств, связано это с тем, что в контексте беседы этот референт занимал приоритетную позицию. Но так как при публикации из целостной беседы вычленяются более или менее законченные фрагменты беседы, то может происходить разрыв референциальных связей.

В повествовательной традиции этноса определенные действия могут быть закреплены за конкретными персонажами. Рассмотрим пример: *'Тем временем Мити родила дочку, туда ее повернула, (та) заплакала и морошкой посыпалась.'* [3, т. 7, п. 5] В актуальном фокусе внимания два персонажа: Мити и новорожденная девочка. В пределах одного предложения происходит переход от одного референта к другому, при этом не используются лексические актуализаторы. Референциальный конфликт снимается, во-первых, за счет семантики глагола 'заплакала', хотя, в принципе, можно предположить, что заплака-

ла не новорожденная девочка, а родившая ее мать. Но помимо семантики этого глагола в процессе разрешения референциального конфликта важную роль играет устойчивая система эпизодов традиционного фольклора. Один из традиционных эпизодов: Мити по велению Куткыннюку рождает девочку, изо рта которой сыплются ягоды. Для носителя традиции не составляет труда установить, кто просыпался морошкой, это действие совершенно не характерно для Мити и может быть соотнесено только с одним из конкурирующих референтов – новорожденной девочкой.

Семантика глаголов может служить средством дифференциации референтов в ситуации референциального конфликта. Но при этом предполагается опора на устойчивые ментальные стереотипы, характерные для данной этнической картины мира. Человеку, не включенному в определенную этническую систему ценностей, установить референциальные соответствия гораздо сложнее, нежели носителю традиции.

В фольклорных текстах референциальный конфликт в отдельных случаях разрешается при помощи семантики актантов, но для этого используются дополнительные параметры дифференциации референтов: 1) онтологические свойства референтов; 2) дифференциация онтологически равноправных референтов по какому-либо различительному признаку; 3) опора на предшествующий контекст.

Важную роль в процессе разрешения конфликта играют онтологические свойства референтов, или релевантные знания носителей языка о мире [4, с. 67]. В фольклорном тексте говорить, плакать и т. д. может не только человек, но и животное, мифологическое существо, растение. Любое существо, любой объект может выступать в роли протагониста. Но в охотничьих рассказах, претендующих на достоверность изображения, зверь не равен человеку. Если используются глаголы или актанты при них, семантика которых подчеркивает «человеческую» природу референта, противопоставляет человека нечеловеку, то можно считать, что появляется дополнительный фактор разрешения референциального конфликта: *'Однажды из Паланы шел Микифлю, [ходил] едь за солью. Едва обогнув мыс, возле утеса встретил медведя, почти двухдюймового. Медведишка хромой. Микифлю ближе (к нему) подошел, но он не убежал. Палку взял, (чтобы) испугать'* [Жукова 1980: т. 9, п. 10–14]. В актуальном поле внимания два персонажа: 'Микифлю' и 'медведь'. Переключение референции происходит только при помощи семантики глаголов: если *Микифлю* подошел к медведю, то, соответственно, не убежал *медведь*. Логика действий подсказывает слушателю, кто выполняет действия. Далее разрешение конфликта происходит за счет семантики актантов. В охотничьем рассказе палку взять может скорее человек, чем медведь. В данном случае семантика актантов непосредственно связана с онтологическими свойствами референта. В мифологической сказке, в отличие от охотничьего рассказа, онтологические свойства не являются основой для дифференциации референтов. В сказках животное по своим возможностям абсолютно равно человеку. Семантика актантов, предполагающая дифференциацию онтологических свойств референта, способствует разрешению конфликта только в текстах, нацеленных на реалистическое изображение ситуации: в охотничьих преданиях, автобиографических рассказах и отчасти в семейных преданиях: *'Мой папа около Ыммигина охотился. Очень хо-*

...и один пёс-вожак был. Заряжая ружье, себе себе выжиг порохов ...' [Жукова 1980: т. 7, п. 6 – 8]. В данном случае переход от актуализации референта 'пёс-вожак' к референту 'мой папа' происходит без помощи полной номинации. Однако референциального конфликта не возникает: заряжать ружье порохов мог только человек, но не собака. Интересно, что не только в реалистических рассказах, но и в мифологических сказках владение оружием свойственно только человеку.

В фокусе внимания приведенного далее эпизода мифологической сказки два персонажа: 'охотник' и 'орел'. Так как перед нами фольклорный текст, орел является полноправным персонажем, равным по своим возможностям охотнику, но это не касается владения оружием: 'Потом охотник шел (там), где была битва птиц и зверей. Вдруг увидел – орел на дереве притих. Сразу ружье взял, уже было начал стрелять' [Жукова 1988: т. 7, п. 36 – 38]. На протяжении этого фрагмента в фокусе внимания находятся два персонажа, равноправно активных. В начале фрагмента оба референта последовательно актуализируются при помощи лексических полнозначных номинаций 'охотник' и 'орел'. Далее фокус внимания последовательно перемещается от референта 'охотник', к референту 'орел'. А затем происходит переключение референции без использования лексических маркеров, сигнализирующих об этом переключении. Сигналом смены референта служат внутрипропозиционные факторы, а именно семантика объектного актанта. Личный глагольный показатель в глагольной форме 'взял он его' могут в равной мере актуализировать и 'охотника' и 'орла'. Возникают формальные условия для появления референциального конфликта, однако конфликт предотвращается при помощи 1) объектного актанта 'ружье': ружье мог взять только охотник, но никак не раненый орел, 2) высокой степени протагонизма 'охотник'.

В приведенных примерах референциальный конфликт снимается за счет семантики актанта и соотношения ее с возможностями референта-человека и референта-не человека. Семантика актанта непосредственно связана с онтологическими свойствами референта. Семантика актанта как средство разрешения референциального конфликта может требовать опоры на предшествующий контекст. В приведенном далее фрагменте мифологической сказки в актуальном фокусе внимания в пределах одной пропозиции два персонажа: 'собака' и 'девушка Йинианавыт', при этом лексическая номинация как средство актуализации референтов не используется. В мифологической сказке онтологическая дифференциация референтов нейтрализуется. Животное по своим возможностям и способностям равно человеку: 'Стала наступать (собака), там (Йинианавыт) опустила кусок скребка' [Жукова 1988: т. 30, п. 90]. В этом случае анализ семантики актанта предполагает опору на предшествующий контекст, в котором сказано, что Йинианавыт в дар от паука получила волшебное средство – скребок. Таким образом, из двух референтов (собака и Йинианавыт) бросить скребок могла только Йинианавыт, потому что только у нее был этот скребок. В подобных случаях без опоры на предшествующий контекст семантика актанта не является самостоятельным фактором разрешения конфликта.

Важную роль в процессе выстраивания референциального плана фольклорного текста в некоторых случаях играет распределение функций фольклорных персонажей. Постоянным персонажам

фольклорных сказок соответствуют постоянные функции. В частности, и в корякском, и в алюторском традиционном фольклоре персонажу *нинвит* (враждебному человеку мифологическое существо) всегда соответствует функция 'вредитель'. Обратимся к фрагменту мифологической сказки. В фокусе внимания два референта: 'Ака' (роль – герой), 'нинвит' (роль – вредитель). Дифференциация этих функций требует жесткой связи между референтом и его действием: 'вредитель' – дает задание, 'герой' – выполняет это задание: 'Доставил. Сказал (ему, парню Аке): – Ладно, освежуй. Освежуешь, что же, сам свари. Сварил. Сказал (ему, парню Аке): Вытаскивай, ешь' [1, т. 16, п. 12 – 19]. На первый взгляд может показаться, что данный фрагмент представляет собой диалог. В фокусе внимания два референта, но все реплики произносит 'нинвит' (роль 'вредитель'). В данном случае каждая реплика – это задание. Второй референт на протяжении всего этого фрагмента только действует. В связи с этим фольклорная схема: *сказал > сделал, сказал > сделал уже сама по себе предполагает переключение референции: ^{вредитель // помощник} сказал > ^{герой} сделал*. Надо учитывать, что в реальных условиях произнесения фольклорного текста говорящий, имея возможность непосредственно общаться с адресатом, меняет тембр голоса, использует мимику и жесты. Все эти факторы в комплексе разрешают референциальный конфликт.

Установление референции может опираться на цепочку высказываний. Прямая речь персонажей в фольклорном тексте предполагает подкрепление действиями персонажей. Действует формула: *сказано – сделано*. На основании этой закономерности установить референцию для слушателей не составляет труда, хотя формально создаются условия для возникновения референциального конфликта.

Фольклорный текст нередко предполагает моделирование диалогов 'в лицах', с соответствующими изменениями голоса, тембра, манеры речи, которые (по представлению рассказчика и слушателей) соответствуют определенному персонажу традиционного фольклора. Традиционный сюжет фольклорной сказки может предполагать эпизод столкновения 'своего' и 'чужого'. При этом 'свой' герой говорит на родном для рассказчика языке, а речь 'чужого' может искажаться, 'чужой' герой как будто говорит 'с акцентом'. Фонетическая дифференциация речи 'своего' и 'чужого' персонажей встречается далеко не в каждом тексте, по всей видимости, это зависит от индивидуальной манеры рассказчика, от его повествовательного мастерства. В следующем фрагменте корякской сказки фонетически маркирована речь враждебной собаки-женщины, ко всем словам она присоединяет *iz-*: '– *Погоди, Мити, что ты делаешь? За водой иду. Гэлэалин анкайз айманван. Пошла туда за водой. Дошла. Собака-женщина идет. Здравствуй, из женщины, ты из-по воду пошла? – И. – Да. – Ну-ка из-женщина, сними кухлянку, проверю, теплая ли'* [1 т. 17, п. 74 – 81]. Фонетическая дифференциация речи 'своего' и 'чужого' референтов используется не как единственное средство их дифференциации, ту играет роль и вопросно-ответная конструкция, и распределение функций персонажей фольклорной сказки (герой – вредитель). Все это в совокупности помогает установить референциальные соответствия реплик, благодаря этому рассказчик, моделируя диалог, легко обходится без авторских поясняющих ремарок. Примеры фонетической дифференциации речи персонажей встречаются и в алюторских текстах [3, т. 14]. В примечании к данному тексту дан

Проблемы славянской культуры и цивилизации

пояснение: «Замена *k* на *q* в речи лисы» [3, с. 66]. Интересно, что лису нельзя причислить к враждебным, 'чужим' персонажам, но она часто выступает как антагонист по отношению к главному герою.

Маркером переключения референции в моделируемом диалоге является непосредственная вербально выраженная реакция на вопрос, например: *Что ты видишь? – Я вижу...* Не зная ситуации, не зная, кому принадлежат эти реплики, тем не менее мы имеем полное основание считать, что эти реплики принадлежат разным референтам. Переключение референции происходит естественным образом, распределение ролей очевидно: вопросительная реплика принадлежит одному референту, ответная реплика в традиционном фольклорном тексте уже всегда принадлежит другому референту: *'Полетел орел над землей, потом над морем. Спрашивает: – Расскажи, что видишь? – Я вижу маленькую землю и не очень большое озеро'* [1, т. 7, п. 70 – 73]. До начала диалога в предшествующем тексте в локальном фокусе было два референта: *орел* и *охотник*. Если реплика *'что ты видишь?'* принадлежит орлу, то, соответственно, ответ *'я вижу'* принадлежит охотнику. При этом не требуется никаких авторских пояснений, референциальное переключение очевидно. Отсутствие авторских пояснений в таких фрагментах ускоряет развертывание сюжета.

Устойчивым этапом развития сюжетного действия фольклорной сказки является испытание героя. На этом этапе 'вредитель' спрашивает и дает задание, 'главный герой' отвечает и выполняет. Это распределение функций может служить средством разрешения референциального конфликта.

'Пошел Ака (презрит.). И вот дошёл до селения злых духов. Корова стада большущее. Говорит ему нинвит: – Ты что делаешь? – Еду ишу. – Ладно, вон на ягельнике жирная корова-нетель издохла. Достань.' [1, т. 16, п. 3 – 10]

Перед нами типичный диалогический фрагмент корякского фольклорного текста. Говорящий моделирует диалог двух персонажей. При этом происходит переключение референции. Важным фактором предотвращения диалогического референциального конфликта являются вопросно-ответные стереотипные фольклорные формулы. Если реплика-вопрос принадлежит одному референту, то естественным образом реплика-ответ уже принадлежит другому референту. Смена референции легко улавливается слушателями.

В диалогических фрагментах фольклорных текстов в качестве маркера переключения может использоваться глагол речи. Это относится к тем случаям, когда в фокусе внимания находятся два референта, реплики которых перемежаются. Рассказчик использует глаголы речи в качестве сигнала переключения референции: *'Сказал (ему, парню Ое): – Где же яма? Сказал (ему, старику-нинвиту): Вот расширил ухо. Сказал (ему, парню Ое): – Ведь говорил я тебе, по уху смеришь яму.'* [1, т. 16, п. 103 – 108]

В этом фрагменте хорошо видно, как глагол речи 'сказал' сопутствует переключению референции. На протяжении этого эпизода каждый раз, когда рассказчик употребляет глагол речи, происходит переключение референции.

Референциальный конфликт может быть предотвращен при помощи последовательного использования глаголов восприятия и речи: если персонаж¹ слушает, то персонаж² говорит. Это распределение ролей способствует переключению референции: 'Ое

слушает. Говоря: Большой мешок для поклажи приготовлю.' [1, т. 16, п. 145 – 147]. В начале фрагмента в фокусе внимания персонаж 'Ое', он слушает. Далее используется форма деепричастия 'говоря'. Грамматически этот глагол должен был бы относиться к референту 'Ое', так как нет ни лексических, ни грамматических маркеров переключения референции. Но этот глагол относится к персонажу 'нинвит'. Переключение референции произошло только на основании распределения ролей 'слушателя' и 'говорящего'. Если Ое в данном эпизоде играет роль слушателя, значит, нинвиту принадлежит роль говорящего. Рассмотрим другой пример с использованием деепричастия 'говоря': *'Сразу Кагынкан только заплакал. Говоря: – Ну, ладно, где он, пусть выходит ловкий, как ворностаи, человек'* [1, т. 12, п. 157 – 159]. Глаголы 'заплакал' и 'говоря' семантически не противопоставлены. Переключения референции не происходит. Оба глагола относятся к одному референту.

В фольклорных текстах важным фактором разрешения референциального конфликта является степень протагонизма референтов, которая может определяться устойчивостью данного референта (фольклорного персонажа) в рамках этнической культурной традиции, в рамках конкретного сюжета, который может ассоциироваться в сознании носителей традиции с определенными референтами. Таким образом, само основание референциального конфликта отчасти и обусловлено этой традиционностью, устойчивостью некоторых сюжетов и действующих лиц. В этих случаях лексические номинации, не только вторичные, но даже и первичные (!), если верить записям текстов, могут казаться носителям традиции излишними. Референциальный план текста прозрачен для носителей данной этнической традиции. С другой стороны, этот же самый текст носителями другой этнической культуры воспринимается как референциально запутанный. Четкость референциального плана повествования зависит не только от наличия в нем лексических и грамматических актуализаторов, но и от воспринимающего сознания. В процессе выстраивания рассказчиком референциального плана текста в полной мере реализуется принцип языковой экономии. Устойчивый круг сюжетов и соответствующая ему традиционная система персонажей диктуют особенности референциальной стратегии. Для носителей традиции отсутствие лексических маркеров переключения, не затемняя референциальный план повествования, значительно ускоряют динамику развития сюжета. Повествовательная традиция выработала ряд устойчивых приемов переключения референции в фольклорных текстах: очередность в процессе перемежения реплик персонажей, распределение функций персонажей, вопросно-ответная структура диалога, дифференциация речевых особенностей персонажей, логика сюжета.

Примечание

1. Жукова А.Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л., 1988.
2. Тексты, записанные Т.А. Головановой и А.А. Мальцевой в июне 2010 г. от Симоновой (Кергыльхот) Александры Алексеевны, 1951 г. р., уроженки с. Ветвей (личный архив).
3. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Язык и фольклор аллюторцев. М., 2000.
4. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. М.: Институт языкознания РАН, 2003.